УДК 32:177.9

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Гапоненко С.С.

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет, соискатель кафедры философии, социологии и психологии, помощник руководителя Управления Федерального казначейства по Волгоградской области, Российская Федерация, г. Волгоград

E-mail: stastelo@mail.ru

В статье проведен анализ понятия «политическая справедливость» как основной морально-этической категории и представлен обзор его концептуализации. В рамках анализа выявлены три основных этапа становления данного понятия: 1) предпосылки (античные и новоевропейские концепции); 2) первая концептуализация в трудах У. Годвина; 3) современные зарубежные (связанные с именами Ролза Дж., Хеффе О. и ХабермасаЮ.) и отечественные интерпретации. Представленный анализ призван сориентировать исследователей по имеющимся в зарубежной и отечественной научной мысли определениям «политической справедливости», а также выделить данный концепт в качестве самостоятельного научного понятия не только в области политической философии, но и в рамках общесоциальных исследований.

Ключевые слова: справедливость, политическая справедливость, власть, коммуникация, ценность.

В контексте возросшего количества интерпретаций современных политических понятий политическая справедливость кажется слабо отрефлексированной категорией. Ее упоминание носит сиюминутный, необязательный характер. Существует также сложность при формировании единого дискурса справедливости в политической области. Хотя такое начинание могло бы заложить фундамент для решения одной из важных проблем современности – преодоления многоуровневых процессов разделения или «разрушающих свойств конфликта»[16] в обществе.

Данная статья не претендует на всестороннюю проработку термина «политическая справедливость», однако, основываясь на его интерпретации как самостоятельной категории социально-политической и этической мысли, предлагает обзор его концептуального становления.

Несмотря на убежденность западных философов, что термин «политическая справедливость» впервые введен Хеффе О. в конце XX века, все же первым автором концепта политической справедливости необходимо считать английского философа Годвина У., издавшего в 1793 году труд под названием «Исследование политической справедливости и ее влияние на всеобщую добродетель и счастье». Таким образом, политическая справедливость не является новым для социальной философии понятием. На протяжении как минимум двух столетий оно мыслится в качестве этической основы государственного строительства и смысловой основы успешной общественной коммуникации.

Современный политологический словарь дает следующую трактовку политической справедливости: это «осуществление естественных или нормированных отношений между субъектами и объектом политики, институтами и гражданами, государственным аппаратом и населением»[13]. Данное определение показывает лишь очевидный алгоритм ее воспроизведения в политическом процессе, но не дает существенного смыслового содержания.

Необходимо различать термины *политическая справедливость* и *справедливость* вообще. Если первый находится в ведении прикладной науки политики и помогает рефлексии политической философии при формировании политического общества (основан на принципах реалистичности, ситуативности и локальности), то второй затрагивает вопросы морали, а в более широком смысле – стремление человека достичь в рамках общежития наиболее социально значимой формы взаимодействия (основан на принципах идеальности, трансцендентности и универсальности). При этом политическая справедливость, не теряя общего вектора идеальности, затрагивает внутренние процессы свойственные политической сфере, такие как распределение властных полномочий, борьба за власть, государственное управление, и ориентирована на описание наиболее эффективного пути достижения стабильного социального развития господствующего социального идеала.

Саму политическую справедливость в общем виде мы будем определять как систему норм и ценностей социального взаимодействия, регламентирующих отношения политических акторов по поводу публичной власти и формирования властных институтов.

В становлении понятия «политическая справедливость» можно выделить три основных этапа: 1) предпосылки; 2) первая концептуализация; 3) современные интерпретации.

Впервые о применении принципа справедливости в политической сфере заговорили античные философы. Платон первый разработал проект справедливого государственного устройства. Согласно представлениям античного философа, институциональное единство людей в рамках государства достигается путем разделения обязанностей и ответственности между каждым гражданином. Форма кооперации у Платона основана на невмешательстве несведущих в государственные дела, а государственных мужей – в охрану и производство. Тем самым достигается мудрое равновесие всех форм общественной кооперации, всех добродетелей души граждан и, следовательно, всего общества в целом.

Однако наиболее широкое распространение получило общее деление справедливости на воздающую и распределительную у Аристотеля, давшее начало классическому подходу в ее изучении. В своих трудах он не предлагает выделять политическую справедливость как самостоятельный концепт, но описывает предпосылки ее становления, выражающиеся в необходимости создания, хранения и трансляции ценностных ориентаций государственного устройства (формы правления). Под государственным устройством Аристотель понимал «распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти»[4] и выделял шесть видов: монархия, аристократия и полития, тирания, олигархия и демократия. Во всех случаях имеет место определенный вид политической справедливости, сформированной структурой и наличествующими связями между субъектами и объектами политики. В монархии господствуют традиционализм и преемственность, в политии – право и выборность.

Не ограничиваясь лишь инструментальным определением политической справедливости в политике, Аристотель отождествляет ее с добродетелью политического института. Политическая справедливость служит, с одной стороны, руководством к политическим действиям, с другой – нравственным ориентиром этих действий. Аристотель одним из первых обосновал, что политика должна быть моральной, то есть основанной на добродетели. Это же было подчеркнуто Гусейновым А.А. : «Вопрос о добродетели как совершенной деятельности души трансформируется в вопрос о совершенных отношениях между людьми. Так этика переходит в политику»[6].

Таким образом, античные философы впервые предложили соединить политику и мораль, где центральным звеном являлось всеобщее процветание, а политически справедливым считалось только то, что легитимно и совершается во благо системы. Любое отклонение, вроде революции или охлократии, носило несправедливый и пагубный характер.

В начале XVIII века произошла трансформация коснулась в первую очередь основных общественных и индивидуальных категорий, таких как свобода и равенство, индивидуальные права и социальная интеграция, справедливое и эффективное общественное устройство. Наряду с античными философскими теориями и религиозными мыслителями средневековья на свет стали появляться договорные теории, центральным звеном которых явился контракт о жизненно важных идеалах. Благо и добродетель перестали быть самоцелью, они стали звеньями на пути к достижению взаимовыгодного сосуществования всех членов общества.

Как отмечалось выше, термин «политическая справедливость» впервые употребил Годвин У. Он определял его как механизм равновесия потребностей и производственных сил в обществе, формирующий в своем идеальном применении высокоорганизованную систему кооперации. При нарушении этого равновесия возникают излишки производства. А когда обмен излишков происходит в угоду личной выгоде, «кончается политическая справедливость и нарушается чистота общественной системы»[19].

Годвин У. предпринял попытку перенести экономические выводы в политическую сферу жизни человека. Для него она явилась не столько сферой реализации полномочий государственных институтов, сколько областью, в которой реализуется всеобщий гражданский прогресс, основанный на стремлении к эффективной кооперации. Аналогичным образом Годвин подчеркивает необходимость идентичности взглядов всех членов общества на справедливость: «Цель здоровой политики и нравственности заключается в сближении людей, а не в разделении их, в сочетании их интересов, а не в противопоставлении их»[5]. Репутация Годвина как активного анархиста не позволила в полной мере популяризировать выделенные им постулаты. Кроме того, очевидна слабая проработка его экономической теории, на которую автор ссылается при анализе равновесия потребностей в обществе и определении «политической справедливости».

Теория Годвина У. открыла возможность по-новому взглянуть на основы политического объединения. Кооперация индивидов, основанная на закрепленных договоренностях, становится не просто социальным инструментом, а политическим, направленным на формирование правового поля властного взаимодействия.

На современном этапе развития социальной философии можно выделить три основные линии концептуализации понятия *политическая справедливость*, связанные с именами Ролза Дж., Хеффе О. и Хабермаса Ю.

В конце XX века американский философ Дж. Ролз выделил основы идеального общественного устройства: базовые институты, позволяющие реализовать два основных принципа справедливости. В процессе анализа возможных вариантов базовых институтов общества Ролз концентрирует внимание на реализации справедливости в конституционном строе. Из этого рождается цельная политическая концепция. Так, политическая концепция должна опираться на разнообразные идеи блага: идею добра как рациональности, идею первичных благ, идею допустимых всеобъемлющих концепций блага, идею политических добродетелей, идею блага хорошо организованного (политического) общества[14]. Перечисленные идеи формируют костяк тех первичных благ, которые определяют мотивационную составляющую индивидов при выборе того или иного образа жизни.

После начального признания на уровне базовых институтов справедливость трансформируется в политическую справедливость, связанную с процессом законодательного обсуждения и принятия данных принципов в формате Конституции. Тем самым Ролз проводит прямую параллель и определяет политическую справедливость как справедливость Конституции[15]. Достичь

консенсуса в обществе и необходимого уровня политической справедливости можно, только если граждане будут придерживаться одного и того же представления о том, что значит быть свободными и равными, или, как минимум, иметь некоторые совпадающие идеалы. Даже несмотря на тот факт, что сотрудничество внутри общества определяется и диктуется политическими институтами государства, а политические добродетели зарождаются благодаря воспитанию и образованию, выбор все же делает отдельный индивид и его психологические свойства носят неустойчивый характер. В силу этих обстоятельств нужна Конституция, которая выступает в качестве системы высших порядков и социальных правил, требуемых для нравственного контроля. Возникающие противоборства внутри общества различных моральных концепций и мнений индивидов должны быть ограничены Конституцией и направлены на удовлетворение требований равной свободы.

Проблема равенства в социальной сфере не раз упоминалась в либеральных концепциях. В частности, Р. Дворкин писал: «Я собираюсь обосновать тезис о том, что главным нервом либерализма является определенная концепция равенства, которую я называю либеральной»[7]. Стоит отметить, что именно либеральную концепцию Дворкин считал наиболее подходящей для справедливой организации общества. В качестве его основания он использует два базовых элемента – равенство значимости и равенство ответственности. Как итог – у каждого индивида есть «право на равную заботу и уважение»[8], в частности при формировании и дальнейшем функционировании политических институтов, таких как государство. Политическая справедливость выступает в качестве особого морального механизма стабильного взаимодействия и взаимоуважения внутри общности.

Не все философы принимали позицию Ролза Дж. и Дворкина Р. В частности, Нозик Р. продвигал более радикальную, либертаристскую концепцию, опираясь на идею анархического порядка и минимального государства. Безусловно, данная позиция кардинально отличается от необходимости установления общей Конституции у Ролза Дж. Фундаментальное различие проходит по линии разграничения функций государства. Нозик Р. выступил за формирование минимального государства, центральным приоритетом которого становится не реализация политики с учетом всех мнений, а обеспечение всеобщей безопасности и свободы проживающих на определенной территории индивидов.

Особый интерес представляет также критика Ролза Дж. со стороны коммунитаристов. Разницу позиций двух теоретических направлений хорошо отразил Сендэл М. : «Когда либертаристы-либералы защищают экономику, основывающуюся на частной собственности, а эгалитаристы-либералы выступают за государство всеобщего благоденствия, коммунитаристы беспокоятся о концентрации власти и корпоративной экономике и в бюрократическом государстве, а также об эрозии тех промежуточных форм общества, которые временами поддерживали более живую общественную жизнь»[1]. Идеалом коммунитаристов служила коммунальная справедливость. Отсюда их понимание политической справедливости как одной из множества справедливостей, возникающих в процессе формирования взаимовыгодного общежития людей.

Наиболее яркий представитель коммунитаристского подхода на сегодня Уолцер М. отмечал, что все общественные процессы тем или иным способом связаны с механизмом распределения благ. Блага носят общесоциальный статус, но могут означать для каждого отдельного индивида совершенно различные вещи. Политическое общество кооперируется на основании принципа «свой»–«чужой», то есть человек, обладающий правами получать защиту и определенный набор благ, и тот, кто при некоторых условиях может на это посягнуть, в том числе нелегально, будут по-разному определять свое поведение как внутри системы, так и по отношению к другим внешним субъектам. «Всеобъемлющая концепция справедливости требует не того, чтобы все граждане правили и были управляемы по очереди, но чтобы они правили в одной сфере и были управляемы в другой, где «власть» означает не то, что они осуществляют свои полномочия, но что они обла-

дают большей их частью, нежели другие, на иное распределяемое благо»[21]. Как отмечает Карчагин Е.В. , «такая позиция позволяет исключить неизбежные в случае сосредоточения исследовательского внимания сугубо на социальных структурах и институциях ограничения»[11].

Одним из последних в конце XX – начале XXI в. в либеральной мысли появилось новое восприятие политической справедливости как ценности политической этики. Данная позиция отражена в ряде работ Сутора Б.

Непосредственный анализ справедливости он основывает на разборе тех концепций, которые на сегодняшний день признаны ведущими и наиболее полно отвечающими вызовам времени. «Это договорные теории Гоббса Т., Локка Дж. и Ролза Дж., справедливость в которых ограничена внешним одобрением и государственно-правовой теорией, выраженной в первостепенности институциональной реализации «политической справедливости»[16]. Сутор помещает справедливость в три измерения политики: институты (конституция, политические программы, гражданское общество), интересы (полномочия, ресурсы) и инструменты (процедуры и нормы). Каждое из этих измерений отвечает на вопросы: кто, зачем и как реализует политику. Сутор говорит о «справедливости как добродетели (политиков и граждан)», о «справедливости социальных условий» и о «справедливости политических институтов»[16].

Несмотря на декларируемую универсальность, Сутор опирается на идеал демократического устройства с представлением гражданам всего спектра свобод: «... либеральная модель составила нормативную основу современной концепции политического, с ее приоритетом прав индивида, идеями общественного договора, минимального государства, секулярного общества»[10]. Априорное восприятие демократии как идеального общественного устройства напоминает релятивизм, от которого большинство современных авторов стараются отойти.

Возникшие споры между либералами, либертаристами и коммунитаристами повлекли за собой многостороннее обсуждение теории справедливости, основными вопросами которой стали место и роль государства (как политического института) в различных сферах общественной деятельности.

Еще одна разновидность современных теорий политической справедливости – это философско-правовые теории, традиции которых сильны в немецкой философии.

В середине XX века вышла книга немецкого правоведа Киркхаймера Отто «Политическая справедливость: применение правовой процедуры в политической сфере»[20]. Он поместил политическую справедливость в правовое поле и охарактеризовал ее как процесс воспроизводства политических действий, в конструируемой области которых основную роль играют институты судебной власти, действующие на благо реализации политических целей. Данный процесс характеризуется полным подчинением любого политического проявления судебной системе либо в качестве оцениваемого понятия, либо в качестве выносимого суждения.

Киркхаймер О. негативно относился к политической справедливости как чему-то гарантированному и обязательному в социальной сфере. Напротив, он видел в ней олицетворение желаемого социального идеала, к которому необходимо направить всю мощь внутренней силы общественного устройства.

В конце века Хеффе О., как представитель классических нормативных теорий, перенес правовую традицию в политическую философию и возвратил на авансцену последней понятие политической справедливости. В основе его теории лежит утверждение, что справедливость создана для оценки государственного правового порядка. Хеффе О. подчеркивает, что справедливость является универсальным принципом, спрос на который возможен в любой сфере жизнедеятельности общества. Однако она имеет только одно основание – наличие спора и соответствующего конфликта. Такая интерпретация ограничивает применение справедливости процессом коммуникации и возникающих в связи с этим проблем.

Наиболее точно принципы политической справедливости по Хеффе О. описал Сутор Б. По его характеристике, «принципы политической справедливости выражены в

правах человека, в которых люди одновременно признают друг друга, для восприятия и обеспечения которых они создают общий порядок с ограничениями, правами и обязанностями, а также с контролируемой обязательной властью»[16].

Хеффе О. формирует пошаговую логику построения политической справедливости. Для начала происходит процесс оценки социальным субъектом уже существующего варианта общественного устройства, на основании которого выводится государственно-легитимирующая справедливость. Затем в силу необходимости формулирования правовых установлений в качестве безоговорочного послушания государственно-легитимирующая справедливость превращается в нормирующую справедливость. Именно эти два аспекта и составляют политическую справедливость, которая есть: «нравственная идея права и государства»[18]. Благодаря политической справедливости происходит процесс различения законных и легитимных норм от незаконных и нелигитимных.

Постановка Хеффе О. вопроса о нормативном закреплении принципов политической справедливости дополнила процедурный подход к ее анализу.

Одним из авторов, анализировавших идеалы общества модерна и характеризовавших все возможные проблемы, связанные с их установлением, был Хабермас Ю. В качестве одного из таких идеалов Хабермас Ю. выделил и политическую справедливость, определяя ее достаточно пространственно, как «определенный космополитический порядок»[17]. Данное понятие исследователь раскрывает при помощи разработки теорий коммуникативного действия и коммуникативной рациональности. Он подчеркивал, что в принципе возникновению вопроса о политической справедливости способствовал процесс фрагментации культуры, в том числе принципов человеческого общежития. Сегодняшний мир видится исследователем в виде набора отдельных частей, при последовательной коммуникации которых формируется единое целое. Хабермас Ю. предполагает наличие в каждой отдельно взятой культуре принципа политической справедливости. Его основанием могут служить различные процессы – от религиозных и метафизических в традиционных обществах до светских в обществе модерна. В качестве основных проводников верных и действенных принципов политической справедливости он видел именно светские общества и полагал, что при отказе от декларирования основных метафизических и религиозных позиций по поводу политической справедливости возможно воспроизвести универсальную трактовку политической справедливости.

Политическая справедливость воспринимается Хабермасом Ю. как светское основание легитимации политики и права. Он выделяет два уровня применения политической справедливости: в процессе внутригосударственной коммуникации различных частей общества и надгосударственный, в рамках мир-общества, где совмещаются такие же, только в более крупном виде, части единого общественного организма. Он представляет религию как иррациональную область мотивов людей, светскость – как разумную область, необходимую рациональность. По линии соединения этих двух областей проходит конфликт мировоззрений и соответственно различных видов политической справедливости. А главную задачу современного интеллектуального сообщества исследователь видит в необходимости интеграции религиозного и метафизического мировоззрения в светские рамки современного дискурса, что позволит не только снизить градус противостояния различных культурных общностей и обществ, но и повысить на несколько уровней эффективности идею членства и сплоченности этих общественных образований на основании принципа политической справедливости[17].

В отечественной науке термин *политическая справедливость* остался вне интереса большинства социальных и политических философов. Однако, продолжая западные традиции, такие исследователи как Алексеева Т.А. , Канарш Г.Ю. , Кашников Б.И. дают общее определение справедливости, формально признавая за ее политическим проявлением самостоятельный статус.

Несмотря на всю формальность разделения политической справедливости и справедливости вообще, Алексеева Т.А.

впервые в отечественной науке концептуализировала справедливость в политической сфере. Это обусловлено в первую очередь ее особым статусом в теории Ролза Дж. и других западных мыслителей[22]. С другой стороны, после развала Советского Союза отечественная политическая мысль долгое время топталась на месте, пытаясь сформулировать новый политический идеал.

В то же время Кашников Б.И. отметил незавидную роль политической справедливости в русской истории. Это связано с проблемой совмещения позиций патернализма, сильных в отечественной политической культуре, и западного либерализма. Резкий поворот от коммунистической политической системы к либерализму с доминированием принципов свободы и права сопровождается «произволом», узаконенным обществом негласно[12]. Происходит потеря легитимности и ограничения политической власти. Лучшим выходом из переходного периода может служить справедливость, основанная на принципах политического либерализма, то есть справедливость как честность Ролза Дж.

Другой отечественный исследователь, Канарш Г.Ю., отождествляет политическую справедливость и справедливость вообще как идеальные принципы политической сферы, возводя свой анализ основных теоретических подходов к их осмыслению как предпосылки адекватного понимания и позитивного решения этических проблем в политической сфере[10]. Он выделяет две специфические задачи политической справедливости: быть основой государственного устройства и составлять основу властных отношений. Что именно подразумевается под последним, не совсем понятно: то ли это норма, закрепленная в каком-либо законодательном акте, то ли ценность, сформированная всей предшествующей традицией кооперации индивидов. Поиск оснований политической справедливости Канарш Г.Ю. заменяет практическим анализом определенного опыта ее интеграции в общественные процессы в России. В связи с этим Канарш анализирует идеологический спектр российской политики, выделяя пять основных проектов: консервативный, этнократический, социал-демократический, левоцентристский, коммунитаристский[9].

Таким образом, можно отметить, что в последние десятилетия интерес к политической справедливости как самостоятельному понятию, безусловно, вырос. Очевидно, что любая попытка его описания должна содержать экспликацию предпочтений, ценностей и норм идеального государственного устройства. Также прослеживается движение к комплексным моделям политической справедливости, антагонистичным по своему содержанию.

---

[1] Алексеева Т.А. Справедливость. Морально-политическая философия Джона Роулса. – М.: Наука, 1992. – С. 103.

[2] Алексеева Т.А. Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 244 с.

[3] Аристотель. Никомахова Этика. Философы Греции. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997. – 101 с.

[4] Аристотель. Политика. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – С. 101.

[5] Годвин У. О собственности – URL:http://avtonom.org/old/lib/theory/godwin/property.html (дата обращения: 20.12.2014)

[6] Гусейнов А.А. Мораль и политика: Уроки Аристотеля / Ведомости. Вып. 24: Политическая этика: социокультурный контекст. – Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. – URL: http://guseinov.ru/publ/moral_polit.html (дата обращения: 20.12.2014)

[7] Дворкин Р. Либерализм// Современный либерализм. – М., 1998. – С. 44–75.

[8] Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 392 с.

[9] Канарш Г.Ю. Концепции справедливости в российской политике// Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2008. – Вып. 8. – С. 341.

[10] Канарш Г.Ю. Политическая справедливость (Запад и Россия) // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 2. – С. 40–44.

[11] Карчагин Е.В. Справедливость: понятие, ценность, норма. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2013. – 185 с.

[12] Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика в России. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 260 с.

[13] Коротец И.Д. Политология. Словарь. — М: РГУ.– URL:– http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/215– (дата обращения: 14.11.2014)

[14] Ролз Дж. Идея блага и приоритет права / URL: http://www.musa.narod.ru/rawls2.htm (дата обращения: 14.11.2014)

[15] Ролз Дж. Теория справедливости: пер. с англ./науч. ред. и предисл. В.В.Целищева. Изд. 2-е. – М. Издательство ЛКИ, 2010 – С. 198.

[16] Сутор Б. Малая политическая этика. – URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sut/or.htm (дата обращения: 14.11.2014)

[17] Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном мир-обществе // Полис. – 2010. – № 2. – С. 7–17.

[18] Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства / Перев. с нем. Вл.С.Малахова. – М.: Логос, 1994. – С. 3.

[19] Goodwin W. Enquiry concerning Political justice and its influence on morals and happiness / URL: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/godwin/PJfrontpiece.html

[20] Kirchheimer O. Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends. Greenwood; New edition, 1980. – 317p.

[21] Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. Paperback, 1983. – 364p.

[22] Прим. автора: в своей книге «Справедливость как политическая концепция. Очерк современных западных дискуссий» Алексеева Т.А. анализирует три основных подхода исследования справедливости: утилитаризм; либерализм и коммунитаризм.

Gaponenko S.S. – Researcher of the Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering, Assistant Head of the Federal Treasury for the Volgograd region, Russian Federation, Volgograd, e-mail: stastelo@mail.ru

POLITICAL JUSTICE: EMERGENCE OF THE CONCEPT

The article analyzes the concept of “political justice” as a major moral and ethical category and provides an overview of its conceptualization. The analysis identifies three main stages of this concept: 1) background (ancient and modern European concept); 2) the first conceptualization of the writings of William Godwin; 3) modern foreign (associated with the names of John Rawls, O. Heffe and J. Habermas) and domestic interpretations. The given analysis is intended to guide the researchers in foreign and domestic scientific definitions of “political justice” as well as to highlight this concept as an independent scientific concept, not only in the field of political philosophy, but also in the general social studies.

Keywords: justice, political justice, power, communication, value.

References

1. Alekseeva T.A. Spravedlivost’. Moral’no-politicheskaja filosofija Dzhona Roulsa [Justice. Moral and political philosophy of John Rawls], M.: Nauka, 1992, 112 p. (In Russ.)

2. Alekseeva T.A. Spravedlivost’ kak politicheskaja koncepcija. Ocherk sovremennyh zapadnyh diskussij [Justice as a political concept. Sketch of modern Western discussions.], M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2001, 244 p. (In Russ.)

3. Aristotel’. Nikomahova Jetika. Filosofy Grecii [Nicomachean Ethics. Philosophers of Greece], M.: JeKSMO-Press, 1997, 101 p. (In Russ.)

4. Aristotel’. Politika [Aristotle. Politics], M.: AST: Tranzitkniga, 2005, 393 p. (In Russ.)

5. Godvin U. O sobstvennosti [About property], [e-resource]/ URL:http://avtonom.org/old/lib/theory/godwin/property.html (In Russ.)

6. Gusejnov A.A. Moral’ i politika: Uroki Aristotelja [Morality and Politics: Lessons from Aristotle.], [e-resource], Vedomosti. Vyp. 24:Politicheskaja jetika: sociokul’turnyj kontekst. Tjumen’: NII PJe, 2004. URL: http://guseinov.ru/publ/moral_polit.html (In Russ.)

7. Dvorkin R. Liberalizm [Liberalism], Sovremennyj liberalizm, M., 1998, p.p. 44–75. (In Russ.)

8. Dvorkin R. O pravah vser’ez [On the rights seriously], Per. s angl.; Red. L. B. Makeeva, – M.: Rossijskaja politicheskajajenciklopedija (ROSSPJeN), 2004, 392p. (In Russ.)

9. Kanarsh G.Ju. Koncepcii spravedlivosti v rossijskoj politike [Concept of justice in Russian politics], *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk,* 2008, Vyp. 8, p.p. 341–354. (In Russ.)

10. Kanarsh G.Ju. Politicheskoje Znanie. Ponimanie. Umenie [Political knowledge. Understanding. Ability], 2007, № 2, p.p. 40–44. (In Russ.)

11. Karchagin E.V. Spravedlivost': ponjatie, cennost', norma [Justice: concept, values, norms], Volgograd: VolgGASU, 2013, 185 p. (In Russ.)

12. Kashnikov B.N. Liberal'nye teorii spravedlivosti i politicheskaja praktika v Rossii [Liberal theory of justice and political practice in Russia], Velikij Novgorod: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2004, 260 p. (In Russ.)

13. Korotec I.D. Spravedlivost', politicheskaja [Justice, political], Politologija. Slovar' – M: RGU. V.N. Konovalov, 2010. (In Russ.)

14. Rolz Dzh. Ideja blaga i prioritet prava [The idea of the good and the priority of the right], [e-resource] / URL: http://www.musa.narod.ru/rawls2.htm (In Russ.)

15. Rolz Dzh. Teorija spravedlivosti [Theory of Justice], per. s angl./nauch. red. i predisl. V.V.Celishheva. Izd. 2-e., M.:izd-vo LKI, 2010, 536 p. (In Russ.)

16. Sutor B. Malaja politicheskaja jetika [Small political ethics], [e-resource]. URL: http://krotov.info/lib_sec/18_s/sut/or.htm (In Russ.)

17. Habermas Ju. Religija, pravo i politika. Politicheskaja spravedlivost' v mul'tikul'turnom mir-obshhestve [Religion, Law and Politics. Political justice in a multicultural society], *Polis,* 2010, №2, p.p. 7–21. (In Russ.)

18. Heffe O. Politika, pravo, spravedlivost'. Osnovopolozhenija kriticheskoj filosofii prava i gosudarstva [Policy, law and justice. Fundamental principle of the critical philosophy of law and state], Perev. s nem. Vl.S.Malahova. M.: Logos, 1994, 328 p. (In Russ.)

19. Goodwin W. Enquiry concerning Political justice and its influence on morals and happiness -– -URL: http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/godwin/PJfrontpiece.html

20. Kirchheimer O. Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends. Greenwood; New edition,1980. – 317p.

21. Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. Paperback, 1983. – P. 320.